

Жиров М.С., доктор педагогических наук,
профессор, заведующий кафедрой культурологии
и теологии БелГУ
(Грант РГНФ № 05-04-55403 а/Ц)

Язык, фольклор, культура в контексте культурологического дискурса

Реальность современного мира, обусловленная сложнейшими геополитическими, межэтническими и социальными противоречиями, ускорившимися процессами глобализации и информационной «революции», свидетельствуют о необходимости осмысления перспектив новой эпохи, отличительной чертой которой является становление всё более осозанного экономического, политического, культурного единства. Виду этого судьба XXI века, на наш взгляд, будет определяться уровнем знаний, образования, культуры и от того, какое поколение придёт к управлению государствами, их экономикой, вооружёнными силами, социально-культурными процессами, зависит судьба Планеты. Осознание этой истины открывает новые перспективы для двустороннего сотрудничества учёных, молодых исследователей, студенческой молодёжи в сфере образования, культуры, искусства, художественного творчества, медиа-технологий, духовной жизни на основе освоения и трансляции в современный социум общечеловеческих и национальных культурных ценностей: родного языка, фольклора, народных и православных традиций.

В русле данных подходов особую актуальность приобретает проблема продуктивного сопряжения многообразного мира культур (языковой, народной, православной) в контексте гуманизации и гуманитаризации образования, воспитания, творчества в системе «человек – семья – природа – общество – глобальный мир» как основы осознания себя частью своего народа, этноса и – одновременно – человека мира. Именно это обстоятельство даёт нам возможность междисциплинарного социогуманитарного подхода к анализу этих явлений. Тем более, что ряд наук (филология, история, этнография, искусствоведение) в разные годы претендовали на всеобъемлющую роль в изучении языка, фольклора, культуры, но, как правило, вне контекста их взаимодействия. И тем не менее, судьбы языка, фольклора, культуры в трактовке наиболее дискуссионных проблем, их исторической перспективы нашли достойное отражение в плюрализме мнений, суждений, оценок и выводов представителей российской науки.

Вот почему так жив интерес к родному языку, народной культуре, не прекращающийся с эпохи романтизма и выразившийся, в частности, в появлении и смене череды фундаментальных культурологических

исследовательских школ XIX века (антропологической, мифологической, сравнительно-исторической и т.д.). Сегодня этот процесс приобретает ещё более заметный характер, становясь доминантой общественного сознания, его культурного развития. «Из-под глыб замшелой официальной идеологии вдруг стали пробиваться свежие удивительные голоса, толковавшие о необходимости национального возрождения, о возвращении к национальным корням и спасении России» (*Янов А. Русская идея и 2000 год //Нева, 1990. №9. – С.156*). Ведь фольклорное миропонимание, как справедливо заметил А.С. Каргин, – это не просто сказки, пословицы, песни, а – «развёртываемая с их помощью универсальная картина мира, в которой человек определяет не только существующую систему координат, но и своё место и роль в этой системе. И что не менее важно – свои парадигмы действий в этой системе. Следовательно, фольклор не может претендовать на универсализм и на самостоятельные оценки по отношению ко всем явлениям жизни общества и государства» (*А.С. Каргин, Н.А. Хренов. Фольклор и кризис общества. М., 19993. – С.6.*).

Таким образом, заявленную проблематику мы должны рассматривать в ракурсе новой научной реальности как самостоятельного объекта научного исследования, учитывая глобальность общечеловеческих ценностей XXI века, обеспечивающих не только выживание, но и процветание рода человеческого, каждого отдельно взятого человека. Однако это научное прогнозирование цивилизации XXI века основано на наших конкретных сегодняшних действиях по спасению окружающей среды, устранению эгоистического отношения власти имущих к нуждам простого человека, борьбе с преступностью и терроризмом, защите духовных ценностей, коими в первую очередь, по нашему мнению, являются родной язык, фольклор, национальная культура, то есть те составляющие, которые формируют национальную идентичность. Более того, язык – это то, что лежит на поверхности бытия человека в культуре. Вот почему начиная с XIX века и по сей день проблема взаимодействия языка и культуры является одной из центральных во многих сферах научного познания, ибо язык и культура являются разными семиотическими системами, которые имеют, однако, и много общего: Во-первых, культура, равно как и язык, - это формы сознания, отображающие мировоззрение человека; во-вторых, культура и язык существуют в диалоге между собой; в-третьих, субъект культуры и языка – это всегда индивид или социум, личность или общество; в-четвертых, нормативность – общая для языка и культуры черта; историзм является одной из существенных свойств культуры и языка, наконец, и языку, и культуре присуща антиномия «динамика - статика».

Лучшие умы XIX века (В. Гумбольдт, А.А. Потебня) понимали язык как духовную силу. В. Гумбольдт считал язык опосредующим звеном между человеком и окружающим его миром: «Когда в душе воистину пробуждается чувство, что язык есть не просто разменное средство для взаимопонимания, но

подлинный мир, который дух внутренней работою своей силы призван воздвигнуть между собою и предметами, - тогда она на правильном пути к тому, чтобы все больше открывать в нем и вкладывать в него» (*Гумбольдт В. О различии в строении человеческого языка и его влиянии на духовное развитие человеческого рода. – В кн.: Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 123*). Немецкий философ и лингвист выдвинул идею о том, что человек замкнут в своеобразном волшебном кругу своего родного языка, который сам по себе обладает определенным мировоззрением и навязывает это мировоззрение всем, пользующимся им: «Тем же самым актом, посредством которого человек создает язык, он отдает себя в его власть: каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступишь в другой круг» (*Там же. – С. 82*). По В. Гумбольдту, язык есть «народный дух», он есть «само бытие» народа. Иначе говоря, язык осуществляет «менталитетообразующую» функцию. Национальная культура являет себя, прежде всего, в языке. Он есть истинная реальность культуры, он способен ввести человека в культуру. Язык есть фиксированный взгляд культуры на мироздание и себя самоё.

Ввиду этого и отношение языка и культуры в научных исследованиях представлено двояко. Первый подход, выраженный в изучении языка от стереотипов к словам, представлен в трудах В. Гумбольдта. Им впервые на рассмотрение была поставлена проблема соотношения интеллектуальной сферы жизни людей и языка. «Если рассматривать языки в качестве основы для объяснения ступеней духовного развития, то их возникновение следует, конечно, приписывать интеллектуальному своеобразию народа, а это своеобразие отыскивать в самом строе каждого отдельного языка» (*Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 129*).

Второй подход выражен в изучении языка от реалий к словам. Одним из основных объектов исследования является языковой узус (*Ощепкова В.В. Некоторые англо-американские параллели ключевых понятий, относящихся к системе образования // Лингвострановедческое описание лексики английского языка: Сб. науч. тр. – М., 1983. – С. 42*), под которым понимается речь как выразитель свойственной данной этнической общности национальной культуры, или же речь в культуре. Для понимания языкового узуса, с одной стороны, необходимы знания всего комплекса национальной культуры, включающего в себя и исторические, экономические и этнографические элементы. Это направление изучает этнос в зеркале языка. Предметом исследования является все то, в чем нашли отражение жизнь, современное бытие, история этноса, культура. Ввиду этого исследования ведутся в «этнокультурной лексике», во фразеологии, ономастике, фоносемантике и т.д.

Наиболее продуктивным, на наш взгляд, является третий подход, сочетающий в изучении языка оба направления: от реалий к словам и от

поведенческих стереотипов к словам. Сущность этого подхода сводится к признанию существования ценностей, лежащих в основе стереотипов поведения (Карасик В.И. *Язык социального статуса*. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1992. – С. 55-56). Безусловно, в контексте вышеизложенного, нам следует уточнить ключевые понятия, касающиеся рассматриваемой проблемы, поскольку в любой теоретической системе понятийно-терминологический аспект проблематики является её базисом.

Так, ключевое слово рассматриваемой проблематики **язык** трактуется нами как важнейшее средство человеческого общения посредством речи, ввиду чего он неразрывно связан с мышлением, является социальным средством хранения и передачи информации, одним из средств управления человеческим поведением. В нашем культурологическом дискурсе языковая коммуникация есть способ услышать друг друга, чтобы разобраться в условиях возникших противоречий, выявить механизмы их реализации, ибо язык обслуживает общество и является одним из показателей его развития и совершенства. Созданный человеком язык как часть его истории изменяется и эволюционирует по мере развития материальной и духовной жизни человека. Тем самым в языке отражается положительный и познавательный опыт народа, ошибки человеческого бытия, жизненные принципы, моральные нормы, нравственные идеалы, восприятие окружающей действительности. «Именно в языке и благодаря языку человек конституируется как субъект, ибо только язык придает реальность, свою реальность, которая есть свойство быть, - понятию «Эго» - «мое я» (Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. – М.: Прогресс, 1974. – С. 37).

Язык – это путеводитель в «социальной действительности». Он существенно влияет на наше представление о социальных процессах и проблемах. Люди живут не только в материальном мире и не только в мире социальном: в значительной степени они все находятся во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе. Известно, что воздействие культуры на язык проявляется в своеобразии самого процесса общения в разных культурах, это откладывается в лексическом, грамматическом ярусах языка, а также в нормативно-стилистическом укладе языка (Мечковская Н.Б. *Социальная лингвистика*. – М., 1996. – С. 193).

Поэтому вполне закономерно, на наш взгляд, и осмысление понятия «язык» в значении семиотической (знаковой) системы, как кода познания бытия, означающего «совокупность знаков (символов) и систему определённых правил, при помощи которых информация может быть представлена (закодирована) в виде набора из таких символов для передачи, обработки и хранения (запоминания) в одной из структурно-составляющих народной художественной культуры – **фольклоре**.

Понятие «**фольклор**» мы воспринимаем, (учитывая некоторую терминологическую неустойчивость этого понятия, изначально означавшего

«folk-lore»: «народная мудрость»), а затем в первую очередь, в отечественной фольклористике – искусство бесписьменной традиции того или иного этноса как «коллективное и основанное на традициях творчество групп или индивидуумов, определяемое надеждами и чаяниями общества, являющееся адекватным выражением их культурной и национальной самобытности» (*Курьер ЮНЕСКО, 1985. – С.27*). И как отмечается в Международных нормативных актах ЮНЕСКО, этой авторитетной международной организации по вопросам науки, образования и культуры при ООН, к формам фольклора относятся язык, литература, музыка, танцы, игры, мифология, ритуалы, обычаи, ремёсла, архитектура и другие виды народного творчества. А само понятие «фольклор» в более широком смысле – **как традиционная народная культура**, которая является одной из подсистем более глобальной системы художественной культуры общества, включаясь в её структуру и взаимодействуя со всеми её образованиями.

Тем не менее, народная художественная культура не рассматривается ни как низший этап культурного развития человечества, ни как определённая ступень в развитии культуры, а анализируется как самостоятельный исторически обусловленный тип культуры, имеющей свои формы, механизмы, конкретно историческую и социальную стратификацию (А.С. Каргин.). И если на стадии нового и новейшего времени народная художественная культура функционировала и функционирует в виде одного из пластов культуры, то на определённых этапах истории (язычество, средневековье) народная художественная культура являлась универсальным пластом культуры всего общества. «Подходя к делу исторически, мы должны будем сказать, что для доклассовых народов фольклором мы назовём творчество всей совокупности этих народов» (*Пропт В.Я. Фольклор и действительность // Избр. статьи. – М., 1976. – С.18*).

Следовательно, народная художественная культура – это система, имеющая древнейшие корни, бытовавшая на разных этапах истории и функционирующая сегодня как один из самодостаточных пластов культуры общества, сохраняя свою ценностно-полифункциональную универсальность и вневременную бытийственность, что позволяет нам говорить о фольклоре, представленном множеством составляющих (песенным, инструментальным, хореографическим, обрядовым, устно-поэтическим, декоративно-прикладным и др.) как уникальном феноменальном явлении, трактуемом как редкое, исключительное, «образование души нашего народа» (*Радищев А. // Избранные сочинения. – М., 1952. – С.63*).

Таким образом, фольклор являет собой традиционную для этноса бытовую художественно-утилитарную деятельность, её результат, отразившие философско-эстетическое самосознание этноса, сложившееся в результате многовековой коллективной коммуникации и проявляющееся, в основном, в

устной форме и бесконечной множественности индивидуально-личностных его вариантов. Именно это позволяет нам рассматривать фольклор как универсальное социоэтническое явление в ракурсе философско-культурологического контекста в нескольких аспектах:

- как базисную основу для формирования этнической идентичности, осознания себя частью своего народа, этноса и – одновременно – человека мира;
- как свода знаний о многовековом практическом и духовном опыте народа в системе «человек – семья – природа – общество»;
- как полифункционального способа передачи этнокультурной информации, базовых общечеловеческих и национальных ценностей и идеалов, формирующих экологию души и тела;
- как художественного феномена, органично соединившего в себе традиционные виды народного искусства: песню, танец, музыку, обрядовое действо, игру, народную одежду и т.д.

Бесспорно, все вышеназванные формы бытующего на территории края фольклора представляют собой совокупность ценностей, символов, идей, традиций, норм и образцов жизнедеятельности, знаковых систем, характерных для социальной общности и выполняющих функцию социальной ориентации и имеющих социокультурный и педагогический смысл лишь в контексте их выявления, освоения и трансляции в современный социум.

Эта проблема всегда занимала отечественную научную мысль. Так, П.А. Флоренский признавался в том, что всю жизнь думал «об отношении явления к ноумену, об обнаружении ноумена в феноменах, о его выявлении, о его воплощении. Это вопрос – о символе» (*Флоренский П.А. Имена. – Харьков, 1998. – С. 792*). В символе, по П.А. Флоренскому, заложена сущность явления, вернее, само явление и есть символ, соединяющий плоть и душу. «В каждой жилке его плоти я видел и хотел видеть, искал видеть, верил, что могу видеть – душу, единую духовную сущность; и сколь тверда была моя уверенность, что плоть есть не только плоть, только костное вещество, только внешнее, сколь же тверда была обратная уверенность – в невозможности, ненужности, самонадеянности видеть эту душу бестелесной, обнаженной от своего символического покрова» (*Там же*).

И если принять эту точку зрения применительно к проблеме этноса и языка фольклора, то так называемая душа народа (или этнический психотип) не может существовать вне вместилища, которым называется сам народ, его культура и его язык. Именно поэтому чаще всего национальная идеология и чувства фокусируются в языке фольклора, который осознается как главный этноразличительный признак, этническая ценность, феномен национальной идентичности. Взаимосвязь языка и этнической идентичности неоднократно декларировалась многими исследователями при анализе явления в различных аспектах: социолингвистическом, этносоциологическом, этнографическом,

социально-психологическом, этнопедагогическом (М. Лацарус и Г. Штейнталь, В. Вундт и А.А. Потебня).

Науке давно известно, что в языке содержится больше исторической и культурной информации о носителе, чем в самом народе, если «вживую» изучать его нравы, традиции и обычаи. Исследуя любой древнейший язык, можно восстановить, оживить образ его носителя – народа, след которого давно простыл в веках. Установлено, что этническая (национальная) идентичность связана не только с реальным использованием родного языка как средства коммуникации, но и восприятие его как **символа этничности**, сохраняющей во времени жизненные связи с окружающей средой, общностью, землей, родом, семьей, традициями и обычаями предков, осуществляющей связь времен и преемственность поколений в процессе производства, хранения, потребления и распространения материальных и духовных ценностей культуры.

Знаем ли мы какие перспективы для изучения народной культуры и быта, этнокультурного самосознания, менталитета народа, характеристики народного творчества, культурно-исторического развития нации в целом содержит в себе, к примеру, язык традиционного народного костюма, выступающий и как знак, и как символ художественно-творческого выражения семиотической сферы национальной культуры. Являя нам ценностно-полифункциональный феномен духовно-практической деятельности народа, выступая выразителем его интересов и потребностей, стереотипов восприятия и мышления, рациональных и эмоциональных форм в системе соотношения коллективного и индивидуального, родового и социального, национального и общечеловеческого.

Обладая сложными социокультурными функциями, системой механизмов обмена информацией между людьми, лежащей в основе коммуникативной функции, выражая сопричастность человека к какому-либо общезначимому событию, традиционная народная одежда имела обереговое, защитное, престижное, воспитательное значение. При этом главной оставалась эстетическая функция, которая определяла специфику этнокультурных функций: эмотивной, познавательно-эвристической, этической, суггестивной, аксиологической, компенсаторной, гедонистической, канонической, прагматической и ряда других. Таким образом, русский народный костюм аккумулировал в себе духовный и практический опыт нации, ее поэтично-образное видение мира, обеспечиваясь трансляцией опыта и взаимодействия как с современниками, так и с последующими поколениями в социокультурном контексте.

Еще более сложный мир условно-символических значений, традиционных действий, сопровождающих важные моменты личной и производственной деятельности человека, призванных способствовать его преуспеванию, благополучию, душевному и физическому здоровью

аккумулирует в себе **обрядовый фольклор**. Это целостное этнокультурное явление, веками создаваемое народом и сохранившееся сегодня в социокультурном пространстве лишь в обрядовых формах поведения на личностном уровне в национальном менталитете.

По структуре **обряд** – сложное, многофункциональное явление, включающее обычай, ритуал, художественные виды народного творчества, игровое действие, фактически создающее событие: свадебный обряд рождает семью, похоронные ритуалы способствуют души усопшего, обряд крещения можно трактовать как ритуал включения новорожденного в человеческое сообщество и т.д. Поэтому понятие «обряд» связано со сложным духовно-практическим феноменом, не только обеспечивающим связь человека с окружающим его миром, но и преобразующим этот мир через обрядовое действие посредством «договора». «Этот договор определял меру и границу поступков человека, делал «зримыми» поступки мира природы, способствовал их гармоническому взаимодействию. Многократное повторение этого типа отношений со временем вылилось в особую форму действия, где традиционные предписания, как следует поступать и что делать в том или ином случае, стали его сутью» (*Жиров М.С. Народная художественная культура Белгородчины: Учебное пособие. – Белгород, 2000. – С. 73*).

Причем, это действие напоминало спектакль, игру, в которой каждый участник знал правила этой игры, однако мог и импровизировать. Именно это свойство, на наш взгляд, способствовало формированию обрядов, органично соединивших в себе магическое, культовое, анимистическое, синкретичное, личное и коллективное, национальные и общечеловеческие культурные значения и смыслы. При этом народ всегда выступал объектом и субъектом, создателем и хранителем этого необходимого и понятного ему действия, отражающего мировоззрение и миропонимание русского человека как воплощение его знаний, ценностей, норм и образцов жизнедеятельности.

Таким образом, есть основание утверждать, что фольклор – явление конкретно историческое, созвучно реальной жизни, отражает ее, органично входит в ее плоть и дух. Не случайно во все времена фольклор помогал человеку в познании мира, природы, самого себя, адаптировал к жизни, запоминал, систематизировал и хранил знания, становясь источником прогресса. Он вбирал и передавал последующим поколениям нравственные законы бытия, моделировал и очеловечивал нормы и отношения между людьми.

Однако, восстанавливая и оживляя фольклорную культуру необходимо отбирать и даже моделировать лишь те ее образцы, которые представляют интерес, ценность, значимость и актуальность в контексте эстетических, нравственных и духовных реалий современности. Благодаря же изучению языка как системы национальных и общечеловеческих знаков возможно становление не только человека мыслящего, но и человека действующего, готового к

адекватному восприятию перемен во всех сферах жизнедеятельности общества, здесь и сейчас формирующего свой жизненный мир, культурный, интеллектуальный и духовный потенциал.

Казак М.Ю., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языка и стиля массовых коммуникаций БелГУ.
(Грант РГНФ № 06-04-55402 а/ц)

Районная газета в восприятии аудитории

Региональная пресса успешно развивается в настоящее время как в типологическом отношении, так и в плане все усиливающегося влияния на своей территории. В небольших городах и селах местная газета – по разным причинам – потеснила общероссийские издания. Согласно результатам независимых исследований, «точки роста» на современном информационном пространстве находятся именно в провинции (А.Н. Алексеев, Л.Л. Реснянская, И.Д. Фомичева и др.).

Традиционные районные газеты Белгородской области имеют прочные позиции на местном медийном рынке. Ориентированные на самую широкую в рамках своего района аудиторию, они имеют постоянного читателя и пользуются спросом у местного населения. Вместе с тем исследование реальной и потенциальной аудитории является одинаково важным как для новых, так и для старых изданий. Для первых – чтобы найти свою информационную нишу, для вторых – чтобы корректировать содержательно-тематическую политику и, возможно, типологическую структуру издания.

Целью нашего проекта является мониторинг районных газет Белгородской области с точки зрения их тематических, жанровых и стилистических характеристик. Один из аспектов – изучение читательской аудитории. В настоящей публикации мы предлагаем результаты социологического опроса читательской аудитории газеты «Заря» Алексеевского и Красненского районов.

В опросе участвовали 1048 жителей Алексеевки, Алексеевского и Красненского районов. Цель исследования: выявить информационные потребности и ожидания аудитории, их соответствие деятельности издания; определить, как настроены читатели по отношению к газете «Заря». Анкета включала следующие вопросы: *Насколько регулярно Вы читаете районную газету? Каким образом Вы приобретаете районную газету? Какие темы в газете привлекают Ваше внимание? В какой информации Вы испытываете потребность? Оцените по пятибалльной шкале содержание и формы подачи материалов; Какой информации, по Вашему мнению, недостаточно в газете? Что бы Вы пожелали редакции?*